

Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

ДАНИИЛ ХАРМС: Я ТАКОЙ ЖЕ, КАК И ВЫ ВСЕ, ТОЛЬКО ЛУЧШЕ

*Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК к 30 декабря -
110 - летию со дня рождения писателя*

Цитата:

*«Меня интересует только «чушь»; только то, что не имеет
никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только
в своем нелепом проявлении.*

*Геройство, пафос, удадь, мораль, гигиеничность,
нравственность, умиление и азарт - ненавистные для меня слова
и чувства.*

*Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение,
вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и
целомудрие, печаль и горе, радость и смех».*

Д. Хармс. 3.10.1937.

29 декабря 1915 года в **литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** в традиционной рубрике **«Persona Nota»** пройдет литературное расследование **«Даниил Хармс - человек - парадокс»**, посвященное 110-летию со дня рождения детского писателя.

Поэт и прозаик Даниил Хармс пришел в этот мир, когда первая русская революция безжалостно крушила человеческие судьбы, а ушел в страшную пору Ленинградской блокады, - непонятый, перечеркнутый политическим режимом, преданный теми, кого считал друзьями...

История его жизни могла быть захватывающей, восхитительной и легкой, как яркий разноцветный шар, или длинной, извилистой и глубокой, как река, но она оказалась суровой, мрачной и достаточно короткой. Почему?

Может быть, потому, что он появился на свет не в то время и не в том месте?

Зачем он всячески пытался продлить детство, почему не хотел взрослеть и покидать пространство игры? Почему всю жизнь изображал чудака?

Зачем, прожив семь лет в браке со своей первой женой **Эстер Русаковой**, хотел развестись с ней. А ведь любил он ее бесконечно... Какую роль в его судьбе сыграли **Алиса Порет** и **Марина Малич**?

Какое такое **«вредительство в области детской литературы»** допустил Хармс? Почему ему были предъявлены обвинения в контрреволюционной деятельности, а сам он арестован? На самом ли деле он был **«идеологом антисоветской группы литераторов»**? И, если это не так, то зачем согласился с этим обвинением? Почему откровенно противопоставлял себя обществу и его мнению?

В связи с какими событиями в его дневнике была сделана следующая запись: **«Я достиг огромного падения. Я живой труп... Я ничего не могу делать. Я не хочу жить... Боже, пошли поскорее смерть... уничтожь меня, разбей меня окончательно, ввергни в ад, не останавливай меня на полпути, но лиши меня надежды и быстро уничтожь меня во веки веков»?**

Даниил Хармс умер 2 февраля 1941 года в блокадном Ленинграде от истощения. Но почему он умер в камере с железными решетками в качестве пациента психиатрического отделения? На самом ли деле он был душевно болен?

Давайте вместе прикоснемся к необычной истории жизни детского писателя, посмотрим документальный фильм о нем, вместе попробуем реабилитировать доброе имя Даниила Хармса и посмотрим, вредят ли детям его стихи или все же помогают расти?

Сын дворянки и бывшего каторжанина

Даниил Ювачев был вторым сыном **Марии Антоновны Кржижевской** и **Ивана Павловича Ювачева** - бывшего мичмана, бывшего политзаключенного и бывшего каторжанина по причине причастности к заговору народовольцев. Даниил родился 30 декабря 1905 года в Санкт-Петербурге через год после того, как умер его старший брат.

Не по возрасту развитый мальчик уже в пять лет умел читать. Мать писала мужу, находящемуся в постоянных командировках, что Даниил *«ужасно занят книгами, теперь это его более всего занимает, но я не позволяю ему много читать, а то по ночам во сне все болтает, если ему много читать... Все время строит какие-то машины, водопроводы, фантазия у него так разыгрывается, что он без конца рассказывает, какая для чего у него машина состроена»*.

Фантазия, впечатлительность, темперамент холерика и очень возбудимая психика - все это составляло натуру Даниила и осложнялось непростым характером отца - человека истово верующего, аскетичного, пережившего много жизненных бед и считавшего, что и сына надлежит воспитывать в строгости.

Даня же принимал все близко к сердцу и выражал свои чувства ярко и экспрессивно. В детстве во время молитвы он, например, мог забыть обо всем на свете. Тогда же он начал писать рассказы для своей тетки Натальи Ивановны.

Поступив в девять лет в гимназию, он быстро стал там местной знаменитостью: мог играть во время урока на валторне или упрашивать учителя не ставить ему двойку, притворяясь сиротой.

В образе Шерлока Холмса

В 16 лет мальчик был еще не вполне уверен, что станет заниматься литературой, но тем не менее выбрал псевдоним - **Харм**. И придумал себе то, что сегодня называется имиджем, взяв за основу образ и внешний вид английского джентльмена, в частности - Шерлока Холмса, который был одним из любимых его героев.

«На нем все было выдержано в бежево-коричневых тонах - клетчатый пиджак, рубашка с галстуком, брюки - гольф, длинные клетчатые носки и желтые туфли на толстой подошве. Во рту Даня обычно держал небольшую трубку, видимо, для оригинальности, так как я не помню, чтобы из нее шел дым», - вспоминала его одноклассница.

Что же касается псевдонима, то он оказался не слишком удачным. Даниил хотел быть «шармером», очаровывать всех, однако происхождение фамилии Харм отсылало людей к английскому слову, обозначающему «вред», «убыток», «зло». Отец указывал сыну на это и советовал изменить псевдоним: *«Вчера папа сказал мне, что, пока я буду Харм, меня будут преследовать нужды»*. Даниил впервые попытался избежать этой участи еще в юности, добавив к фамилии одну букву (не «Харм», а «**Хармс**»).

Окончив школу, Хармс размышлял о том, куда ему податься дальше. Поступить в институт было непросто, принимая во внимание то обстоятельство, что он был сыном дворянки, а после революции таких, как он, не жаловали в Советской России.

К счастью, отец Хармса не потерял работу заведующего счетным отделением «Волховстроя». Благодаря ходатайству папы Даниилу нашлось место в электротехникуме.

Однако там юный поэт-футурист начал не электротехническую, а поэтическую карьеру: он выступал в техникуме и в других местах с чтением стихов - своих и чужих. Правда, уже тогда стихи его понимали далеко не все: Хармс предпочитал авангардную поэзию, с ритмическими и фонетическими акцентами. Смысл и сюжет его волновали мало.

Родные также не одобряли экспериментов юного Даниила: тетка относилась к ним скептически, а отец откровенно презирал, считая, что внимания заслуживает лишь классическая поэзия.

В 1924 году семья жила в Ленинграде, и Хармс с приятелями, разрисовав лица и нарядившись в цилиндры, гуляли ночью по Невскому проспекту и влезали на фонари, вызывая изумление и неприязнь обывателей. Он был уже не мальчик - 19 лет, - но пытался продлить детство, не желал взрослеть и покинуть пространство игры, где ему было комфортно и удобно. Даня изображал чудака, обожал парадоксы, ненавидел обыденность и стремился раскрасить жизнь своими розыгрышами.

Эстер Русакова - первая любовь

Тогда же он в первый раз влюбился, и любовь эта оказалась весьма мучительной. Между **Эстер Русаковой** и Даниилом Хармсом возникло какое-то необъяснимое напряжение, силовое поле, одновременно притягивающее их друг к другу и отталкивающее.

Он жить без нее не мог, писал ей стихи и превратил ее имя в символ и главный мотив своей поэзии тех лет - окно, сквозь которое он смотрит на звезду. Эстер же плохо понимала его творчество, его «заумь» - новую форму поэзии, придуманную поэтом Туфановым и с радостью воспринятую Хармсом. Он рассказывал девушке про символы, а она скучала с ним.

За семь лет их романа Хармс познакомился со многими молодыми поэтами Ленинграда, успел побывать членом *«Ордена заумников»* и *Всероссийского союза поэтов*. А также при помощи художника **Казимира Малевича**, директора Государственного института художественной культуры, совершил безуспешную попытку поставить написанную вместе с **Александром Введенским** пьесу.

Поэт нового мироощущения и творец нового поэтического языка

Параллельно с любовной и поэтической линией жизни Хармса шла линия мистическая. Он всегда интересовался предметами и идеями необычными, тайными и шокирующими, а на сломе эпох и мироустройства поиски смыслов и тайных учений стали всеобщим увлечением.

Поэтому не удивительно, что Хармс перепробовал множество теорий и практик: изучал каббалу, джиу-джитсу, йогу, шахматы, черную магию, читал Талмуд и книги по оккультизму и, наконец, нюхал эфир вместе со своим другом Александром Введенским.

На Введенского эфир действовал воодушевляюще, а Хармса погружал в депрессию. Фантастические картины, увиденные под влиянием эфира, не вдохновляли его. Хармс довольно быстро пришел к мнению, что может умереть, увлекшись нюханием эфира, и постепенно прекратил участвовать в этих сеансах. А вот эксперименты с поэзией продолжил.

С середины 20-х годов - то есть с момента, когда его отчислили из электротехникума, - Хармс участвовал в различных поэтических объединениях, настойчиво пытался писать пьесы для театра и вместе с друзьями придумал название для своей группы: **ОБЭРИУ - Объединение реального искусства**. Обэриуты называли себя *«честными работниками своего искусства, поэтами нового мироощущения и творцами нового поэтического языка»*.

Они отказывались от символизма и пытались найти новые названия для всех вещей, подобно Адаму, который дал имена птицам и зверям. Не всегда у обэриутов получалось сделать так, чтобы этот новый язык был понятен читателю, - но они к тому и не стремились.

Хармс за эти годы успел широко прославиться благодаря не стихам, а публичному скандалу: он с товарищами пришел читать стихи в университет, но чтение было встречено таким шумом и криками, что Хармс оскорбился. Он встал и заявил, что не читает в «бардаках и конюшнях», после чего покинул аудиторию. Слушатели оскорбились тоже - тем, что поэт Хармс сравнил советский университет с конюшней и публичным домом. История попала в газеты.

Стихи, состоящие из слогов и звуков, котелок на голове, стиль денди (настоящих денди Хармс никогда не видел, но образ пытался воплотить), - все это не радовало глаз адептов «пролетарского искусства».

Но Хармс пока ничего не боялся. Он был окружен единомышленниками и счастлив в любви - в 1925 году Эстер согласилась стать его женой.

Однако, через два дня после свадьбы Даниила Хармса призвали на военную службу, и семейная жизнь начала рушиться, не успев начаться.

«Как добиться мне развода? Господи, помоги!»

Стихи для ротной стенгазеты, казарма, сослуживцы, среди которых нет *«ни одного интеллигентного человека»* - все это было Даниилу глубоко противно. Больше всего ему досаждала фамильярность, «тыканье» и совместное мытье в уборной. Он мучился, писал в записной книжке по-немецки молитвы с просьбой уберечь его от армии и ссорился с Эстер - потому что ревновал и боялся, что стал ей неинтересен.

«Все пропало, как только Эстер вошла в меня. С тех пор я перестал, как следует писать и ловил только со всех сторон несчастья. Не могу ли я быть зависим от женщины, какой бы то ни было? - или Эстер такова, что принесла конец моему делу? - я не знаю.

Если Эстер несет горе за собой, то как же могу я пустить ее от себя. А вместе с тем, как я могу подвергать свое дело, ОБЭРИУ, полному развалу. По моим просьбам судьба связала меня с Эстер. Теперь я вторично хочу ломать судьбу. Есть ли это только урок или конец поэта?

Если я поэт, то судьба сжалится надо мной и приведет опять к большим событиям, сделав меня свободным человеком. Но может быть, мною вызванный крест должен всю жизнь висеть на мне? И вправде ли я даже как поэт снимать его?

Где мне найти совет и разрешение? Эстер чужда мне как рациональный ум. Этим она мешает мне во всем и раздражает меня. Но я люблю ее и хочу ей только хорошего. Ей, безусловно, лучше разойтись со мной, во мне нет ценности для рационалистического ума.

Неужели же ей будет плохо без меня? Она может еще раз выйти замуж и, может быть, удачнее, чем со мной. Хоть бы разлюбила она меня для того, чтобы легче перенести расставание! Но что мне делать? Как добиться мне развода?

Господи, помоги! Сделай, чтоб в течение той недели Эстер ушла от меня и жила бы счастливо, а я чтобы опять принялся писать, будучи свободен, как прежде! Раба божия Ксения, помоги нам!»

Они прожили вместе семь лет и расстались в 1932-м - спустя примерно год после первого ареста Хармса.

В роли «идеолога антисоветской группы литераторов»

10 декабря 1931 года Хармсу и Введенскому были предъявлены обвинения в контрреволюционной деятельности по статье 58-10 - за *«вредительство в области детской литературы»*. Им вменялось в вину то, что они отвлекают людей от задач строительства своими *«заумными стихами»*.

В конце марта выездная сессия Коллегии ОГПУ постановила: *«Введенского А. И. - из-под стражи освободить, лишив права проживания в 16 пунктах СССР в погранокругах сроком на три года»*. А Хармс оставался под арестом еще три месяца.

В «детские поэты» Хармс попал благодаря Маршаку - тот хотел внести свежую струю в детскую литературу и пригласил в Детиздат, среди прочих, Даниила Хармса. Тот считал Маршака своим учителем и в 1929 году выступил в его защиту, подписав письмо в «Литературную газету».

Маршак ссужал Хармсу деньги и часто помогал голодающему поэту. Именно благодаря «детским» стихам и переводам Хармс мог содержать себя и Эстер. Но во время ареста Хармса

обвинили, кроме прочего, в том, что он халтурил, занимаясь стихами для детей. Обвинили и в несогласии с политикой партии. Не в целом, а в области детской литературы - но и этого было много.

К концу допросов Хармс признал себя *«идеологом антисоветской группы литераторов»*, которая вредила делу воспитания подрастающего поколения своими стихами: *«Наша заумь ... целиком базирующаяся на мистико-идеалистической философии, является контрреволюционной в современных условиях»*.

Даниилу Хармсу дали срок «три года концлагеря», но постановили «досрочно освободить» - во многом благодаря заступничеству отца, который как пострадавший от царского режима просил за сына через видных представителей Красного Креста. Его хлопоты увенчались успехом. К тому же никаких доказательств, кроме признания Хармса, у следствия все равно не было.

Но откровенное противопоставление себя обществу и его мнению, характерное для Хармса, не могло не раздражать представителей власти. К тому же арест «детских» писателей был только подготовкой к делу «взрослых».

В ссылке

После освобождения Хармс пришел домой *«и все не мог войти в дверь: от волнения почему-то натыкался на угол и попадал мимо двери»*. Дома Даниил пробыл недолго - его выслали в Курск, где он и поселился вместе с Введенским.

Привычки у Хармса остались те же, что в Ленинграде, - он голодал, но не соглашался выйти на улицу одетым как все, предпочитая сидеть дома.

В Курске у него начались проблемы со здоровьем: нарушение сердцебиения, приступы паники и удушья. Повышенная температура и мнительность в сочетании с полуголодным существованием спровоцировали настоящую, а не мнимую болезнь. Плеврит и нервное расстройство - вот два диагноза, поставленные врачами.

Вскоре - из-за болезни и невозможности общаться с близкими по духу людьми - жить в Курске стало для Хармса невыносимо, и он начал хлопотать о переезде в Вологду. Но срок его высылки закончился, и поэт смог вернуться в Ленинград.

К тому времени он уже не мог нормально общаться с Эстер - их отношения были на грани развода. Хармс чувствовал себя вымотанным и обессиленным.

«Как часто мы заблуждаемся...»

Возможно, его роман с художницей **Алисой Порет**, ученицей Петрова-Водкина и Филонова, был попыткой как-то вытаскать себя из этого состояния. Они познакомились давно, в 1928 году, и сошлись потому, что оба обожали шутки, розыгрыши и всякого рода шарады. Алиса Порет разгадывала каламбуры и загадки Хармса в два счета. Эта женщина по-настоящему вдохновляла поэта - ей он посвящал стихи, о ней писал в дневнике и ужасно боялся ее разочаровать. Они были близки, но Порет все же предпочла Хармсу другого. Вскоре после этого он записал в дневнике:

«Как часто мы заблуждаемся! Я был влюблен в Алису Ивановну, пока не получил от нее всего, что требует у женщины мужчина. Тогда я разлюбил Алису. Не потому что пресытился, удовлетворил свою страсть и тому подобное. Нет, просто потому, что, узнав Алису как женщину, я узнал, что она женщина неинтересная, по крайней мере, на мой вкус.

А потом я увидел в ней и другие недостатки. И скоро я совсем разлюбил ее, как раз тогда, когда она полюбила меня. Я объяснил ей, что ухожу, ибо она любит Петра Павловича. Недавно я узнал, что Алиса вышла замуж за Петра Павловича. О, как я был рад!»

Охота на крыс, которых не было

Однако Хармс оставался все еще молодым мужчиной. Здоровье его поправилось после ссылки, и ему было трудно вести одинокую, монашескую жизнь. Он мечтал встретить женщину, которая бы стала не только женой, но и опорой, и другом. Он просил «Деву Марию и Крест», писал просьбы в дневнике и ждал, что вот - вот встретит свою судьбу.

И встретил **Мариону Малич** - случайно, зайдя в гости к одной своей знакомой и увидев ее двоюродную сестру.

«Однажды вечером, хорошо помню этот день, я убирала свой стол, наводила в нем порядок. В это время в дверь постучали. Я пошла открывать. У порога стоял высокий, странно одетый молодой человек, в кепочке с козырьком. Он был в клетчатом пиджаке, в брюках-гольф и гетрах. С тяжелой палкой, и на пальце большое кольцо», - так вспоминала Марина Малич эту первую встречу с Хармсом.

Буквально через несколько свиданий поэт сделал Марине предложение и получил согласие. Смешливая, с горящими глазами, темпераментная и отзывчивая, Малич переехала жить к Хармсу. Свадьбы не было - просто пришли и расписались. Хармс настоял на том, чтобы Марина оставила свою фамилию, - он знал, что его имя не будет защитой для любимой.

В отличие от Эстер, Малич слушалась мужа беспрекословно и поддерживала все его шутки и розыгрыши.

«Однажды ночью, - я уже спала - Даня разбудил меня и сказал, что мы будем охотиться на крыс. Крыс в доме никаких не было, но он придумал, что мы будем за ними бегать. Для этого мы должны были одеться по-особенному. Я уже не помню, что я надела и что надел Даня. Но это была явно не парадная одежда и даже не такая, в какой мы ходим обычно, что-то такое заношенное, оборванное. В этом виде мы должны были гоняться за крысами, которых у нас не было...»

Она покорялась каждому его слову и только тихо наблюдала из угла, когда его обнимали и буквально облепляли женщины, когда их паре доводилось бывать в гостях. Хармс пользовался популярностью у женщин и в подобные минуты совершенно забывал про жену, а она сидела и плакала от обиды, прижимая к груди маленькую собачку по кличке Тряпочка.

Очередная попытка переломить судьбу

В 1935 году у Хармса начались трудности с работой. Его мало печатали, писать сценарии не получалось, детскую поэзию стало трудно пристроить в журналы. Он перестал встречаться с друзьями, не мог работать, просто не в состоянии был сесть за стол, и очень болезненно переживал собственную бездеятельность.

В том же году умер Казимир Малевич - художник, которым Хармс восхищался и с которым дружил. После похорон Хармс изменил манеру письма, начал писать верлибром, экспериментировать с графикой и в очередной раз попытался переломить ход судьбы, подписываясь не «Хармс», а «Шардам». Но, почувствовав, что перестает быть самим собой, пришел в ужас.

Он должен был всем кругом - больше тысячи рублей. Однако жизнь с Малич потихоньку налаживалась - он писал для нее стихи и выкраивал деньги на билеты, чтобы вместе сходить на концерт, где исполнились «Страсти по Матфею» Баха.

Это был период, когда «дискуссии о формализме и натурализме» начались и в отношении музыки - в частности, музыки Шостаковича. «Сумбур вместо музыки» - так называлась критическая статья в его адрес. После этих «дискуссий» в прессе Хармс напишет: «Более позорной публики не знаю, чем Союз писателей».

Именно тогда появилась сценка с диалогом:

«Писатель: Я писатель».

Читатель: А, по-моему, ты - г..о!»

Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят».

Тем не менее, можно сказать, что до 1937 года Хармс жил относительно спокойно - его не так часто, но печатали, детские стихи худо-бедно приносили гонорары.

«Я не хочу жить...»

Но в 1937-м Хармс написал и опубликовал стихотворение *«Из дома вышел человек...»*, в котором главный герой бесследно исчезает. В годы кровавого террора, когда люди пропадали, а приговор *«10 лет без права переписки»* означал расстрел, такое произведение могло дорого обойтись автору. Но Хармса не тронули, а «всего лишь» отлучили от средств массовой информации. И тем самым обрекли на голодную смерть.

Марина Малич голодала вместе с ним, а он винил себя и писал в дневнике: *«Я совершенно оупел. Это страшно. Полная импотенция во всех смыслах... Я достиг огромного падения. Я потерял трудоспособность окончательно... Я живой труп... Наши дела стали еще хуже... Мы голодаем...»*

Я ничего не могу делать. Я не хочу жить... Боже, пошли нам поскорее смерть... Боже, теперь у меня одна - единственная просьба к тебе: уничтожь меня, разбей меня окончательно, ввергни в ад, не останавливай меня на полпути, но лиши меня надежды и быстро уничтожь меня во веки веков».

В поисках защиты от ареста

Бог пошлет ему смерть, но не «поскорее». До того Даниил Хармс еще напишет свое финальное произведение - повесть *«Старуха»* - и попытается избежать призыва на войну с фашистской Германией, которую он не то что предчувствовал, а просто не сомневался, что она будет.

В конце 1939 года Хармс подал заявление в Литфонд с просьбой о помощи в связи с психиатрическим заболеванием. Его положили в психиатрический стационар, где поставили диагноз «шизофрения». Перед тем как лечь в больницу, Даниил изучил несколько серьезных трудов о психических заболеваниях. *«Бредовые идеи изобретательства, отношения и преследования»* обеспечили ему диагноз, к которому он стремился. *«Выписан без перемен»* означало - защищен от ареста и от призыва в армию.

С началом финской войны Хармс уже был владельцем «белого билета». Дурные предчувствия переполняли его, загоняя в творческий кризис. А после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года Хармс не написал больше ни строчки.

Еще через два месяца его арестовали по обвинению в «пораженческой агитации». Он ждал этого ареста и был уверен, что не переживет войну. *«В наш дом попадет первая же бомба»*, - говорил он.

Хармс знал: дело не в доносе, который написала на него **Антонина Оранжевеева**, ближайшая подруга Анны Ахматовой, официальный информатор ОГПУ. Он сам, его «авангардизм», нежелание шагать в ногу с остальными - вот, что доводило до бешенства тех, других. И они не успокоятся, пока он див. Отец Даниила умер, заступиться за писателя было некому, многие друзья отвернулись от него, помня его «признательные показания». Его могли расстрелять, но ему на помощь пришел им же сыгранный диагноз - шизофрения.

Судебно-психиатрическая экспертиза признала Хармса психически больным - в очередной раз. Только теперь его направили на принудительное лечение в психиатрическое отделение больницы при пересылочной тюрьме.

Боле страшного ухода невозможно представить: к нему, потомку дворянского рода, человеку неординарному, талантливому, относились как к преступнику, заставили пройти через унижения физические и душевные...

Это был ноябрь 1941 года, уже шла блокада Ленинграда, заключенным «Крестов», как и всем жителям города, продовольствие выдавали по карточкам - 150 граммов хлеба в сутки на

человека, рабочим - 300 граммов. В декабре 1941 года в Ленинграде люди впервые съели себе подобного.

В ледяной камере тюремной больницы затравленный, измученный, беспомощный Хармс ждал очереди на транспортировку в Казань, где «лечили» душевнобольных. Но о нем, как и других заключенных «Крестов», в эти жуткие блокадные дни попросту забыли - перестали кормить, обрекая тем самым на мучительную гибель.

Даниил Хармс, 37-летний пациент психиатрического отделения, медленно умирал от истощения в камере с железными решетками. Ему не позволяли видеться с женой, а ей не сразу сообщили, где он находится.

В феврале Марина Малич пришла к тюремной больнице с кусочком хлеба и сахара, чтобы передать их мужу. Передачу приняли, но через несколько минут окошко в двери открылось, и *«тот же мужчина со словами: «Скончался второго февраля» выбросил мой пакетик в окошко. И я пошла обратно. Совершенно без чувств. Внутри была пустота»*.

Кардиограмма Даниила Ивановича Ювачева- Хармса распрямилась 2 февраля 1942 года. Остывшее тело единственного в своем роде поэта нашли несколько дней спустя, одиноко лежащим на полу больничной камеры. Его изгрызи крысы...

...Только в конце 50-х годов постановлением прокуратуры Ленинграда Хармс был признан невиновным, дело его закрыто за отсутствием состава преступления, а сам он реабилитирован.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Глоцер В.** Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс. - М.: «ИМА-Пресс», 2001.
2. **Гончарова Я.** Даниил Хармс. Человек-парадокс/Янина Гончарова//Дарья - Биография. - 2015.- №12 (ноябрь).- Стр. 38-39.
3. **Жаккар Ж.-Ф.** Даниил Хармс и конец русского авангарда. - СПб., 1995.
4. **Карелин В.** Сто и один Хармс (обзор некоторых книг, посвященных столетнему юбилею Даниила Хармса// Синий диван. - 2007.- № 10-11.
5. **Кобринский А. А.** О Хармсе и не только. - СПб., 2007.
6. **Кобринский А. А.** Даниил Хармс.- 2-е изд. - М.: «Молодая гвардия», 2008. – (Серия «Жизнь замечательных людей»).
7. Мортира и свеча. Материалы международной летней школы по авангарду, посвященной столетию со дня рождения Даниила Хармса / Под ред. А. Кобринского.- СПб, 2005. - 192 с.
8. **Новак А.** «Меня интересует только чушь» / Биография.- 2010.- №4. - Стр. 117-128.
Рисунки Хармса/Сост. Ю.С. Александров.- СПб.: «Изд-во Ивана Лимбаха», 2006. - 336 с.
9. 100-летие Даниила Хармса: Материалы конференции. - СПб., 2005.
10. **Токарев Д.** Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. - М.: Новое литературное объединение, 2002.- 336 с.
11. Хармс-авангард. Материалы международной научной конференции «Даниил Хармс: авангард в действии и в отмирании. К 100-летию со дня рождения поэта». - Белград: «Изд-во филологического фак-та Белградского ун-та», 2006. - 503 с.
12. **Ямпольский М.** Беспамятство как исток (Читая Хармса).- М.: «Новое литературное объединение», 1998.